

STEPHEN KING

MILE

81

Annotation

Центральный персонаж «81-й мили» — автомобиль, похоже, наделённый некими мистическими силами — подобно своим собратьям из романов Кинга «Кристина» и «Почти как „бьюик“....»

«81 миля» названа по закрытому дорожному магазинчику, к которому подъезжает странная и очень грязная машина...

- [Стивен Кинг](#)

- ☐ [1](#)
- ☐ [2](#)
- ☐ [3](#)
- ☐ [4](#)
- ☐ [5](#)
- ☐ [6](#)

- [notes](#)

- ☐ [1](#)
- ☐ [2](#)
- ☐ [3](#)
- ☐ [4](#)
- ☐ [5](#)
- ☐ [6](#)
- ☐ [7](#)
- ☐ [8](#)
- ☐ [9](#)
- ☐ [10](#)
- ☐ [11](#)
- ☐ [12](#)

Стивен Кинг

81 миля

*Посвящается Наю Уиллдену и
Дагу Алену, опубликовавшим мои
первые рассказы.*

Пит Симмонс («Хаффи» седьмого года)

— Тебе туда нельзя, — твердил ему старший брат.

Голос Джорджа оставался спокойным, несмотря на то, что друзья (несколько двенадцати — и тринадцатилетних соседских ребят, называвших себя «Жоподранскими гонщиками») нетерпеливо ждали его в конце квартала.

— Там слишком опасно.

— Я не боюсь, — возразил Пит. Он старался говорить уверенно, однако ему все же было не по себе. Самую малость. Джордж с друзьями направлялись к песчаному карьеру за кегельбаном, где собирались сыграть в игру, которую придумал Норми Терриоль, лидер «Гонщиков». Игра называлась «Адские десантники». К карьеру вела изрытая колея; суть игры состояла в том, чтобы разогнаться по этой колее на своем велосипеде и успеть изо всех сил выкрикнуть «Гонщики рулят!» перед тем, как выпрыгнуть из седла у самого обрыва. Обычно полет длился десять футов или около того, да и посадка была мягкой, но рано или поздно кто-то упал бы на жесткий гравий вместо песка, сломав себе руку или лодыжку. Даже Пит это знал (а потому хотел туда еще сильнее). И тогда обо всем узнают родители, что будет означать бесславный конец «Адских десантников»... однако пока что игра (шлемов, само собой, они не носили) продолжалась.

Джордж, впрочем, лишний раз рисковать не хотел. Предполагалось, что он будет заботиться о Пите, пока родители на работе. Если его младший брат разобьет в карьере свой «Хаффи», Джордж будет сидеть дома неделю. Если Пит сломает руку — месяц. А если (Боже упаси!) шею, то Джордж, скорее всего, останется взаперти в своей спальне до самого колледжа.

Но вместе с тем Джордж еще и просто любил своего мелкого засранца.

— Просто позависай здесь, — сказал Джордж. — Мы вернемся через пару часов.

— С кем я тут позависаю? — угрюмо ответил Пит. Стояли весенние каникулы, и все его друзья («подходящие по возрасту», как выражалась мама) разъехались кто куда. Некоторые из них сейчас в «Диснейуорлде»! Когда Пит думал об этом, в его сердце бурлили зависть и ревность — мерзкое, но необычно приятное

сочетание.

— Просто — позависай. Сгоняй в магазин или еще куда-нибудь, — Джордж порылся в карманах и достал две мятых долларовых банкноты. — Вот, возьми.

— Ну нифига себе. Пожалуй, куплю «Корвет». Или даже два.

— Симмонс, давай уже быстрее! Или мы едем без тебя, — прокричал Норми.

— Сейчас! — крикнул Джордж в ответ. И Питу, уже тише: — Бери деньги и не будь козюлей.

Пит взял купюры.

— Блин, я даже лупу захватил! Хотел показать им, как.

— Да они видели этот детский фокус тыщу раз, — перебил Джордж. Но увидев, как уголки губ брата опустились, решил смягчить удар. — К тому же взгляни на небо, дурачок: ты не сможешь ничего поджечь в такой серый день. Короче, позависай. Когда я вернусь, мы сыграем на компьютере в «Бэттлшип» или еще во что.

— Ну все, ссыкло, увидимся! — прокричал Норми.

— Мне пора, — сказал Джордж. — Постарайся не вляпаться в какие-нибудь неприятности. Будь поблизости.

— Вот сломаешь себе позвоночник и останешься на всю жизнь парализованным, — в сердцах ответил Пит... затем быстро сплюнул, чтоб не сглазить, и добавил вслед уходящему брату: «Удачи! Прыгни дальше всех!»

Джордж махнул рукой в ответ, но не обернулся. Он крутил педали своего огромного старого «Швинна», о котором его младший брат так мечтал, но с которым пока не мог совладать (попробовал однажды и грохнулся посреди дороги), а Пит наблюдал, как Джордж набирает скорость и пытается догнать своих друзей, проносясь мимо домов на окраине Обурна.

Потом Пит остался один.

Он достал из багажника лупу и направил ее на свое предплечье — ни пятнышка света, ни чувства жжения, ничего. Пит хмуро посмотрел вверх, на низко висящие облака, и вернул лупу на место. Хорошая лупа, «Ричфорс». Пит получил ее на прошлое Рождество, когда еще работал над школьным проектом муравьиной фермы.

Отец был уверен в том, лупа окончит свои дни в гараже, собирая пыль. Однако с проектом муравьиной фермы они закончили в феврале (Пит и Тэмми Уитхем, его напарница, получили «пятерку»), а лупа все еще не наскучила. Питу особенно нравилось поджигать с ее помощью обрывки бумаги на заднем дворе.

Но не сегодня. Сегодня остаток дня лежал перед ним, точно

огромная пустыня. Он мог вернуться домой и посмотреть телевизор, но отец заблокировал все самые интересные каналы, когда обнаружил, что Джордж тайком записывает эпизоды «Подпольной империи», под завязку набитые гангстерами и обнаженными красотками. Похожая блокировка стояла и на Питовом компьютере. Он еще не сломал ее, хотя вполне мог, вопрос времени.

Ну и?

«Ну и что? — пробормотал он, крутя педали в направлении Мерфи-стрит. — Ну и что, блин?»

Слишком мал, чтобы играть в «Адских десантников». Это, видите ли, слишком опасно. Тьфу! Как бы ему хотелось доказать Джорджу, Норми и остальным «Гонщикам», что даже такие маленькие пацаны, как он, могут встретиться лицом к лицу с опасн...

И вдруг он придумал. Он мог бы сгонять на заброшенную стоянку. Навряд ли Джордж и его компания знали об этом месте, потому что Питу рассказал о нем его ровесник Крэйг Гэнон. Крэйг говорил, что он и другие десятилетние ребята шатались там прошлой осенью. Гэнон, конечно, мог все и выдумать, но Пит в этом сомневался. Рассказ содержал слишком много деталей, а Крэйг никогда не отличался богатым воображением.

Пит поехал быстрее. В конце Мерфи-стрит он взял налево, на Гиацинтовую. Пустой тротуар, ни одной машины — Пит слышал лишь мерное гудение пылесоса, доносящееся из дома Россиньолей. В остальном улица будто вымерла: наверное, все взрослые сейчас на работе.

Он свернул на улицу Розвуд, проехал мимо желтого знака с надписью «ТУПИК». Розвуд состояла всего из дюжины домов и заканчивалась забором из сетки-рабицы, за которым невысокий кустарник переплетался с чахлыми деревьями чуть повыше ростом. Когда Пит подъехал ближе к забору (на котором висел совершенно ненужный знак «ПРОЕЗДА НЕТ»), он перестал крутить педали и продолжил катиться по инерции.

Он вдруг осознал — пусть и смутно — что хотя и думал о Джордже и его друзьях как о Больших Парнях (и «Гонщики» совершенно точно считали себя таковыми), на самом деле Большими Парнями они не были. Настоящие Большие Парни — это старшекласники, у которых есть подружки и водительские права. Им нравится выпивать, курить травку, слушать хеви-метал и хип-хоп, лизаться с девочками.

И, соответственно, им должна нравиться заброшенная стоянка.

Пит слез со своего «Хаффи» и огляделся. Вокруг никого. Даже

эти нудные близняшки Кросскилл, которые круглые сутки — если только не занимались в школе — тандемом прыгали через веревку, куда-то испарились. Чертовское, по мнению Пита, везение.

Где-то неподалеку слышался размеренный шелест шин — это машины ехали по девяносто пятому шоссе. На юг — в Портленд, или на север — в Огасту.

Даже если Крэйг сказал правду, забор могли и починить: если уж не везет, так во всем.

Но когда Пит подошел поближе, то понял, что забор только казался целым. Кто-то (наверное, Большой Парень, с тех пор ставший уже Настоящим Взрослым), сделал в заборе вертикальный разрез — сверху донизу. Пит снова огляделся, взялся за проволочные ромбы и мягко надавил на нее. Он думал, что сетка не поддастся — однако она поддалась, и в заборе словно открылась калитка. Дверь для настоящих Больших Парней, черт возьми.

Если хорошо подумать, в этом был смысл. Большие Парни, может, и имели водительские права, но въезд и выезд со стоянки «81 Миля» сейчас перегорожены большими оранжевыми колпаками — из тех, что используют дорожные бригады во время ремонта трассы. Пустынные подъездные дорожки поросли травой, а асфальт уже местами потрескался. Пит видел это не меньше тысячи раз, потому что школьный автобус как раз ехал по 95 шоссе от Лорелвуд-стрит, где он садился, до Саббатус-стрит, где располагалась Третья Начальная школа Обурна.

Он помнил времена, когда стоянка еще была открыта. На ней соседствовали небольшая заправочная станция, закусочные «Бургер Кинг» и «Сбарро», а также кафе замороженных йогуртов ТСВУ. Потом стоянка закрылась. Отец говорил, будто таких стоянок на магистрали слишком много, и штат оказался не в состоянии содержать их все.

Пит протиснул велосипед в дыру, затем аккуратно вернул самодельную дверцу с острыми краями на место — так, чтобы забор вновь выглядел целым. Он медленно двинулся по направлению к зеленой стене из кустарника, следя за тем, чтобы шины «Хаффи» не напоролись на битое стекло (с этой стороны забора его хватало). Пит начал озиаться в поисках того, зачем приехал — дыра в заборе говорила о том, что он уже почти на месте.

Так и вышло. Вот она, помеченная смятыми сигаретными пачками и пустыми бутылками из-под пива и содовой, тропа в подлесок. Пит пошел по ней, все еще толкая велосипед перед собой. Кусты поглотили его, а улица Розвуд за спиной все так же

пребывала в дреме, доживая очередной облачный весенний день.

Как-будто никакого Пита Симмонса здесь никогда и не было.

Дорога между дырой в заборе и заброшенной стоянкой длилась, насколько мог судить Пит, приблизительно полмили — и на всем ее протяжении он находил знаки, оставленные Большими Парнями. С полдюжины коричневых бутылочек (пара с мерными ложками в комплекте), пустые упаковки от сухих закусок, застрявшие лет пятьдесят назад в ветках кустарника отороченные кружевами трусы и — джепот — полбутылки водки «Попов» с закрученной винтовой крышкой. После внутренних размышлений Пит бросил ее в багажник, в компанию к лупе, последнему выпуску «Американского вампира» и упаковке зефирного печенья «Орео» с двойной начинкой.

Он протащил велосипед через лениво бегущий ручей и (бинго!) вот Пит уже позади стоянки, в этом месте тоже огороженной забором, однако и тут над ним поработали, так что Пит спокойно проскользнул внутрь. Поросшая высокой травой тропа вела его на заднюю парковку, где, как он предполагал, когда-то останавливались грузовики, доставлявшие на стоянку товар. Рядом с самим зданием Пит увидел темные квадраты асфальта — раньше там стояли большие мусорные баки. Он опустил подножку и оставил велосипед на одном из них.

Сердце мальчика заколотилось от одной мысли о том, что он должен сделать дальше. Проникновение со взломом, сладенький. За такое обычно дают срок. Но если он обнаружит незапертую дверь, или в заколоченных окнах найдется брешь, будет ли это считаться проникновением со взломом? Понятное дело, что проникновение останется проникновением, но можно ли будет назвать такой поступок преступлением?

В душе он считал, что да. Однако если исключить взлом, о тюрьме наверняка можно не думать. И, в конце концов, разве не рисковать он сюда пришел? Разве не за тем, чем потом будет хвастать перед Норми, Джорджем и остальными «Гонщиками»?

И страх страхом, но скуки Пит уже не чувствовал.

Он попытался открыть дверь с тусклой табличкой «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА» и обнаружил, что она не просто заперта — заперта намертво, никаких шансов. Два окна рядом тоже оказались заколочены на совесть (это он мог сказать сразу, едва бросив на них взгляд). Потом Пит вспомнил, что и забор выглядел целым, но таким не являлся, и все же подергал доски — безрезультатно. В каком-то смысле это даже принесло ему определенное облегчение: теперь он мог со спокойной совестью повернуть назад.

Только... только Большие Парни как-то находили путь

внутри. Он был в этом уверен. Так как им это удавалось? С парадного входа? На виду у всей магистрали? Ночью — может быть, но Питу не хотелось испытывать судьбу среди бела дня. Любой проезжающий мотоциклист с мобильником сможет набрать 911 и сказать что-нибудь вроде: «Я тут просто подумал... вам, наверное, будет интересно узнать, что какой-то мелкий паршивец бродит по старой стоянке „81 миля“. Ну, той, где раньше стоял „Бургер Кинг“, помните?»

Уж лучше сломать руку, играя в «Адских десантников», чем довести дело до звонка предкам из полиции. По правде говоря, уж лучше сломать обе руки и прищемить свою кочерыжку застёжкой-«молнией».

Хотя, может, с кочерыжкой он и погорячился.

Он подошел к разгрузочной площадке... и снова джекпот. На этом бетонном островке он увидел кучу окурков и еще несколько маленьких коричневых пузырьков, окруживших своего предводителя: темно-зеленую бутылку «Найквила».^[1] Площадка, к которой когда-то на разгрузку подкатывали огромные восемнадцатиколесные грузовики, располагалась слишком высоко, но цемент здания во многих местах разрушился, так что проворному ребенку в кедах от Чака Тейлора не составит никакого труда отыскать несколько точек опоры. Пит поднял руки над головой, нащупал едва заметные выступы на изъеденной временем стене, ну а остальное, как говорится, дело техники.

На площадке красовалась оставленное кем-то граффити: ЭДВАРД ЛИТТЛ КРУТ, РЕД ЭДДИС РУЛЯТ!^[2] Да ну, подумал Пит, это «Гонщики» рулят. А потом огляделся со своей теперешней высоты, ухмыльнулся и сказал: «Вообще-то, я рулю!» Стоя там, над пустой парковкой старой стоянки, он чувствовал, что действительно рулит. Во всяком случае, сейчас.

Он спустился вниз — просто чтобы проверить, что с этим не будет никаких проблем — и вспомнил про барахло, что оставил в багажнике велосипеда. Припасы на тот случай, если он решит провести остаток дня здесь. Несколько секунд Пит думал, что взять, потом решил взять все. Даже лупа может оказаться полезной. В его голове начала рождаться смутная фантазия: маленький мальчик находит на заброшенной стоянке жертву убийства и распутывает преступление еще до того, как полиция о нем узнает. Он даже видел себя, рассказывающего обалдевшим «Гонщикам», как это на самом деле получилось легко. Элементарно, мои дорогие сосунки.

Полная ерунда, конечно, но мечтать не вредно.

Он забросил сумку с вещами на погрузочную площадку (стараясь не разбить бутылку с водкой), затем вскарабкался сам.

Ведущие внутрь металлические ворота, по меньшей мере двенадцати футов высотой, запирались сразу на два кодовых замка — но в них оказалась встроена дверь поменьше, размером в человеческий рост. Пит покрутил рукоятку. Дверь не поддавалась — он и толкал, и тянул на себя, все без толку. Впрочем, было кое-что еще. Пит посмотрел под ноги и увидел щепку, подsunутую под дверь — самая глупая попытка замаскировать что-нибудь, какую он только видел. С другой стороны, чего еще стоило ожидать от обкуренных и закинувшихся сиропом от кашля подростков?

Пит вытащил щепку, и когда он попытался вновь открыть дверь, та открылась.

Большие окна бывшей закусочной «Бургер Кинг» вместо досок были закрыты простой проволочной сеткой, так что он без проблем смог все разглядеть. Столики и кабинки отсутствовали. Там, где раньше располагалась кухня, теперь чернела пустота — лишь редкие куски проводов торчали из стен, да потолочная плитка местами свисала с потолка. И все же кое-что из мебели оставалось.

В самом центре зала в окружении сложенных стульев стояли два старых карточных стола, составленных вместе. На столах лежали грязные жестяные пепельницы, несколько упаковок засаленных велосипедных карт и пачка покерных фишек. На стенах красовались два или три десятка журнальных постеров — их Пит изучил с особенным интересом. Он уже знал про девчачьи письки, даже видел их несколько раз на каналах НВО и «СинемаСпанк» (пока предки не заблокировали все самое интересное), но эти... эти были гладко выбриты. Пит до конца не понимал, в чем разница — но решил, что поймет, когда станет старше. То ли дело голые сиськи! С этими все просто и понятно. Голые сиськи — это всегда офигенно.

В углу валялись три замызганных матраса, сдвинутые вместе так же, как и карточные столы... впрочем, Питу уже исполнилось достаточно, чтобы понимать, что играли там вовсе не в покер.

— Покажи мне письку! — приказал он девушке с плаката и нервно хихикнул. Потом добавил: «Покажи мне свою бритую письку!» — и хихикнул громче. Питу вдруг захотелось, чтобы Крейг Гэнон очутился рядом (хотя Крейг, конечно, тот еще тормоз). Они могли бы вместе посмеяться насчет бритых писек.

Он стал бродить по закусочной, тихонько выпуская из себя пузырьки смеха. В помещении стоянки было зябко, но не то чтобы слишком уж холодно. С запахом дело обстояло хуже: смесь табачного дыма, травы, старой выпивки и постепенного гниения, с которым деревянные перекрытия обращались в труху. Питу

казалось, что вдобавок ко всему еще и пахло тухлым мясом. Наверное, из сэндвичей, купленных в «Сабвее» или в «Розелли».

На стене в углу, где раньше сидели и заказывали свои бутерброды посетители закусочной, он увидел еще один постер, на этот раз с Джастином Бибером. На щеку Джастина кто-то прицепил наклейку со свастикой, а зубы покрасил черным. На макушке росли нарисованные красные рога. Несколько дротики торчали прямо из физиономии. Надпись над постером поясняла: РОТ 15 ОЧК, НОС 25 ОЧК, ГЛАЗА 30 ОЧК.

Пит выдернул дротики, пересек пустой зал и остановился рядом с черной отметкой на полу со словами ЛИНИЯ БИБЕРА. Он бросал дротики десять или двенадцать раз, и с последней попытки выбил 125 очков. Очень даже ничего, решил он. Даже представил, как Джордж и Норми Терриоль ему аплодируют.

Пит вернулся к одному из затянутых сеткой окон и стал всматриваться в одинокие бетонные островки на улице, где раньше стояли бензиновые колонки. За ними виднелось шоссе, по которому сновали редкие автомобили. Он предположил, что осенью шоссе будет забито туристами и возвращающимися восвояси отпускниками, если только его отец не был прав и цена на топливо не вырастет до семи баксов за галлон. В таком случае, конечно, никто на дорогу и носа не сунет.

И что дальше? Он поиграл в «Дартс». Насмотрелся бритых «кисок» если и не на всю оставшуюся жизнь, то на несколько месяцев вперед. Не нашел ничего такого, что требовало бы немедленного расследования. Что дальше?

Водка, решил он. Вот что будет дальше. Он сделает пару глотков — просто чтобы доказать, что может, кроме того, его рассказ зазвучит гораздо правдоподобней, если он и в самом деле попробует. Ну а затем, решил Пит, он погрузит остатки припасов в багажник и вернется на Мерфи-стрит. Он изо всех сил постарается сделать так, чтобы его приключение в пересказе выглядело интригующим, может, даже пугающим, и все же самое место, по правде говоря, оказалось не очень-то интересным. Обычный притон, где Настоящие Большие Парни играли в карты, перепихивались с девчонками и укрывались от дождя в плохую погоду.

Но бухло, это уже что-то.

Он уселся на матрасы и положил сумку рядом (аккуратно, стараясь не сесть на грязные пятна). Вытащил бутылку водки и с возбужденной ухмылкой изучал ее некоторое время. Питу шел одиннадцатый год, и до этого момента он не испытывал особой жажды попробовать что-то из разряда взрослых удовольствий. Годом раньше, правда, стянул у деда сигарету и выкурил ее за

супермаркетом — выкурил наполовину, если быть точным. В какой-то момент его скрючило и он просто выблевал свой ланч меж кроссовок. В тот день он получил порцию интересной, но малополезной информации: когда бобы с сосисками отправляются в твой рот, они выглядят не слишком эстетично, но хотя бы приятны на вкус и запах. Когда же они идут обратной дорогой, то выглядят ужасно и к тому же жутко воняют.

Внезапная и выразительная реакция его организма на предыдущую попытку сдружиться с «Американ Спирит» предполагала, что эксперимент с водкой закончится не лучшим образом. Но если он хотя бы не отхлебнет, то хвастаться придется враньем — а Джордж мигом сек вранье, особенно когда врал его младший брат.

«Наверное, я опять блевану», — подумал он. И добавил вслух: «Хотя окрестностям не привыкать».

Эта мысль вновь заставила его рассмеяться. Улыбка все еще висела на лице, когда он откручивал пробку и подносил горлышко к носу. Запах есть, но слабый. Может, это вообще вода, а не водка, запах мог быть и остаточным. Пит поднес горлышко ко рту, одновременно надеясь на то, что в бутылке и водка, и вода. Ничего феерического он не ожидал, да и напиться в хлам совсем не хотелось: кому понравится сломать шею, спускаясь с разгрузочной площадки? Но ведь интересно же! Да и родителям эта штука отчего-то нравилась.

— Смелчаки, вперед, — почему-то сказал он и сделал маленький глоток.

В бутылке была не вода, это точно. Вкусом жидкость напоминала скорее горячее масло, и Пит сглотнул, больше от удивления. Водка скользнула по его горлу и взорвалась в животе.

— Ешкин кот! — закричал он.

Из глаз брызнули слезы. Пит держал бутылку в вытянутой руке, словно она только что укусила его, но жжение в желудке уже сходило на нет, а в остальном он чувствовал себя вполне нормально. Он не был пьян, и блевать его не тянуло. Так что он сделал второй глоток, уже представляя себе, чего ждать. Жжение во рту... жжение в горле... ба-бах в животе.

Неплохо, на самом деле. Теперь он ощущал покалывание в руках. И в шее. Но не то, с которым немеют конечности — наоборот, что-то словно готовилось пробудиться.

Пит снова поднял бутылку, затем опустил ее. Не стоит забывать о том, что он может упасть с площадки или разбить велосипед по пути домой («А могут арестовать за вождение велика в нетрезвом виде? — мелькнула мысль. — Наверное, могут»). Выпить чуть-чуть, чтобы потом похвастаться — это одно,

а вот напиться по-настоящему — совсем другое. Родители все поймут, едва увидев его, и нет никакого смысла притворяться трезвым. Они напиваются, их друзья напиваются — короче говоря, они поймут.

К тому же не стоит забывать о жутком ПОХМЕЛЬЕ. Пит и Джордж часто видели предков, с красными глазами и бледными лицами блуждающих по дому субботними и воскресными утренними часами. Они принимали витамины, просили сделать телевизор потише, а музыку не давали слушать вовсе: иными словами, ПОХМЕЛЬЕ выглядело абсолютной противоположностью веселья.

И все же, наверное, от одного раза хуже не будет.

Пит отхлебнул еще, на этот раз чуть побольше, и выкрикнул: «Есть взлет!». Это показалось ему необыкновенно остроумным. В голове появилась странная легкость, от которой он испытывал огромное удовольствие. В курение он что-то не въехал, а вот в выпивку — да.

Он поднялся, чуть пошатываясь, поймал равновесие, опять рассмеялся. «Прыгайте в свой гребаный карьер сколько хотите, малышня, — сообщил он пустой закусочной. — Я в жопу пьяный, и это гораздо лучше». Прозвучало очень смешно, и Пит захохотал громче.

Неужели он и вправду пьяный в жопу? С трех-то глотков?

Ему так не казалось, но кайф он точно поймал. Все, больше ни капли. Хватит — значит, хватит. «Пейте с умом», — указал он пустоте и хрюкнул.

Придется позависать здесь, пока все не пройдет. Час. Может, два. Скажем, до трех пополудни: часов он не носил, но ровно в три пробьют колокола церкви Святого Иосифа, что всего лишь в миле отсюда. Вот и все, потом он просто уйдет, спрятав где-нибудь (для потенциально возможного продолжения алкогольных опытов) водку и вернув дверную щепку на место. Первой остановкой на пути домой будет супермаркет, где он купит по-настоящему запашистую жвачку вроде «Тиберри», чтобы перебить запах выпивки. Недавно он слышал от ребят, что водку можно спокойно таскать из отцовского бара, потому что у нее совсем нет запаха, но сейчас Пит был гораздо умнее, чем час назад.

«К тому же, — назидательно поведал он пустынному залу, — наверняка у меня глаза такие же красные, как у отца, когда тот переберет мантини». Он замолчал. Вылетевшее слово было не совсем верным, но кому какое дело?

Он заграбастал дртоики, вернулся к Линии Бибера и стал бросать их один за другим. Лишь один из снарядов попал в Джастина, и это показалось Питу самым уморительным. Собирая

рассыпавшиеся дарты, он напевал строчки из «Бейби», одного из последних Биберовых хитов. Ему стало интересно, вышел бы у Бибера хит, если бы он назвал его «Моя бейби бреет свою письку», и это его добило. Он согнулся от хохота пополам и обхватил руками колени.

Когда смех ушел, Пит высморкался прямо на пол (пятно на репутации приличной закуской, подумал он, прости, «Бургер Кинг») и вновь потащился на Линию Бибера. Во второй раз вышло еще хуже, чем в первый — в глазах не двоилось, ничего такого, просто он никак не мог попасть.

Его начало подташнивать. Несильно, но четвертый глоток был бы точно лишним. «Опупел я от „Попова“,» — произнес Пит. Он засмеялся, рыгнул, оставил дарты лежать там, куда бросил, и вернулся к матрасам. Подумал было достать лупу и поискать на них каких-нибудь насекомых, но в последний момент решил, что в данном случае неизвестность предпочтительней. От мысли полакомиться печеньем он тоже отказался — кто знает, как бы отреагировал на это его ослабевший желудок.

Пит лег на спину и положил руки под голову. Он часто слышал, что, если напьешься, все перед глазами начинает кружиться. Ничего подобного с ним не происходило, но против небольшой дремоты он бы не возражал. «Ляг, поспи и все пройдет» или типа того.

«Только ненадолго».

Нет, ненадолго. Если он не окажется дома до возвращения родителей, то попадет в неприятности. Возможно, и Джордж за компанию — ведь, получается, он оставил его одного. Но смогут ли колокола Святого Иосифа разбудить его в три часа?

Внезапно Пит понял — последний проблеск угасающего сознания: ему остается на это только надеяться.

Он закрыл глаза, и уснул в заброшенной закусочной.

Снаружи, в движущемся на юг автомобильном потоке 95-го шоссе, появился «универсал» неопределенной марки и года выпуска. Он ехал значительно медленней минимально разрешенной скорости, и стремительно несущийся грузовик обошел его по полосе обгона, сердито гудя клаксоном.

«Универсал» накатом свернул на подъездную площадку, не обращая внимания на большой знак с надписью «ЗАКРЫТО НЕ ОБСЛУЖИВАЕТСЯ БЛИЖАЙШАЯ ЗАПРАВКА И ПУНКТ ПИТАНИЯ ЧЕРЕЗ 27 МИЛЬ». Он сбил четыре оранжевых конуса, загораживающих проезд, и остановился в семидесяти ярдах от здания заброшенной стоянки. Дверь со стороны водителя распахнулась, но из автомобиля никто не вышел. Машина не издавала никаких глупых писков вроде «эй-дурочок-ты-оставил-

что-то-незапертым» — просто продолжала молчаливо стоять с приоткрытой дверью.

Даже если бы Пит Симмонс не спал, он не смог бы разглядеть водителя «универсала». Автомобиль весь был забрызган грязью, включая ветровое стекло — что выглядело странным, поскольку дожди в Новой Англии не шли уже с неделю, и шоссе оставалось абсолютно чистым.

«Универсал» стоял недалеко от въезда на парковку под хмурым апрельским небом. Конусы, которые он сшиб, вращались все медленней и, наконец, остановились. Приоткрытая водительская дверь была похожа на приглашение.

Даг Клейтон («Приус» девятого года)

Даг Клейтон работал страховым агентом и направлялся из Бангора в Портленд, где зарезервировал номер в местном отеле «Шератон». Он рассчитывал оказаться там максимум к двум часам, то есть еще мог выкроить немного времени на послеобеденный сон (роскошь, которую Даг редко мог себе позволить) перед тем, как отправиться в поисках ужина на Конгресс-стрит. Завтра ни свет ни заря он должен был нацепить на себя бейджик, доехать до Конференццентра и слиться с четырьмя сотнями таких же агентов на семинаре под названием «Буря, пожар, наводнение: страхование от катастроф в двадцать первом веке». Подъехав, впрочем, к указателю «81 Миля», Даг оказался необычайно близок к собственной катастрофе, и семинар в Портленде ничем не мог ему помочь.

Его портфель с чемоданом валялись на заднем сиденье. На пассажирском лежала Библия (короля Якова, никакой другой он не признавал^[3]). Даг был одним из четырех проповедников Церкви Святого Искупителя, и когда приходила его очередь проповедовать, называл Библию «наиболее полным руководством по страхованию».

Даг обратился к Иисусу Христу, своему спасителю, после долгих лет пьянства, поглотивших целиком его третий десяток и большую часть второго. Этот впечатляющий загул завершился разбитой машиной и тридцатью сутками, проведенными в окружной тюрьме Пенобскотт. Он преклонил колени, едва оказавшись в этой вонючей клетке размером с гроб, и с тех пор преклонял их каждую ночь.

«Помоги мне стать лучше», — молил он господа в тот первый раз и всякий раз после этого. Простая молитва — но ему воздалось. Он действительно становился лучше. В два раза, десятикратно, стократно. Даг рассчитывал, что в ближайшие пару лет доведет счет до тысячи — и знаете, в чем самый смак? В конце концов, все закончится раем.

Он затер Библию до дыр, потому что читал ее каждый день. Ему нравились все притчи, но одну он любил особенно: притчу о добром самаритянине. Несколько раз зачитывал своей пастве этот отрывок из Евангелия от Луки, и всякий раз паства была щедра на пожертвования после проповеди, благослови их Господь.

Наверное, потому, считал Даг, что эта история так близка ему. Священник прошел мимо избитого и ограбленного путника,

левит^[4] прошел мимо, а кто не прошел? Мерзкий антисемит — самаритянин. Он очистил и перевязал раны путника, погрузил его на осла и доставил к ближайшей таверне.

«Кто из этих троих, думаешь ты, был ближним попавшемуся разбойникам?» — спросил Иисус надменного законника, когда тот задал вопрос о вечной жизни. И законник, будучи совсем не глупым, ответил: «Оказавший ему милость».

Если Даг Клейтон и боялся в этой жизни чего-то — так это стать левитом из притчи. Отказать в помощи тому, кто в ней отчаянно нуждается. Перейти на другую сторону дороги. Так что когда он увидел грязный «универсал», припаркованный у заброшенной придорожной стоянки — поваленные оранжевые конусы, открытая водительская дверь — то перед тем, как включить поворотник, раздумывал не дольше секунды.

Он остановился за «универсалом», включил аварийные огни и вышел. Только теперь он заметил, что на странном автомобиле нет номерного знака... хотя из-за огромного количества грязи сложно было сказать наверняка. Даг достал сотовый телефон и проверил, есть ли связь. Он мог сколь угодно долго изображать доброго самаритянина, но идти навстречу подозрительной машине безо всяких мер предосторожности — самая настоящая глупость.

Он направился к автомобилю, небрежно держа в левой руке сотовый телефон. Да, так и есть, никаких номеров — на этот счет он оказался прав. Попытка заглянуть в салон через заднее стекло не увенчалась успехом: слишком много грязи. Даг сделал несколько шагов по направлению к открытой двери, затем остановился, окинул «универсал» взглядом и нахмурился. «Форд»? «Шевроле»? Будь он проклят, если знал — что странно, ведь он застраховал не меньше тысячи «универсалов» за свою карьеру.

Тюнинг? Что ж, возможно, но кому в голову придет превращать «универсал» в нечто столь таинственное?

— Эй? Все в порядке?

Даг подошел к водительскому сиденью, сжав телефон в руке чуть сильнее. Он вдруг вспомнил кино, которое до чертиков перепугало его в детстве. Кино про дом с привидениями. Кучка подростков каким-то образом наткнулась на заброшенный дом, и когда один паренек заметил, что входная дверь не заперта, он прошептал друзьям: «Смотрите, здесь открыто!» И они вошли туда, а тебе хотелось буквально кричать, чтобы не входили.

Это глупо. Если в машине кто-то есть, он, возможно, ранен.

Конечно, водитель мог отправиться к старым закусочным — в поисках телефонного автомата, например — но если он был

действительно ранен.

— Эй?

Даг потянулся к дверной ручке, но затем передумал и наклонился, чтобы рассмотреть внутренности автомобиля через дверной проем. То, что он увидел, обескураживало. Передние сиденья были покрыты грязью — как и рулевое колесо, и приборная панель. Темная слизь стекала со старомодных переключателей на радиоприемнике. Та же слизь капала с руля, там, где чернели отпечатки, совсем не похожие на отпечатки человеческих рук. Следы ладоней выглядели до жути огромными, а след от большого пальца — наоборот, был тонким, как карандаш.

— Здесь есть кто-нибудь?

Он переложил телефон в правую руку и взялся за приоткрытую дверцу левой, чтобы широко распахнуть ее.

— Кто-то ра...

Он успел почувствовать безбожную вонь, а затем левая рука взорвалась жуткой болью, такой сильной, что ему показалось, будто кто-то тащит сквозь его тело сгусток пламени, заполняя им все пустоты. Даг хотел закричать, но не смог — глотку запечатало внезапным шоком. Он посмотрел вниз и обнаружил, что дверная ручка каким-то образом пронзила его ладонь.

Вместо собственных пальцев он видел обрубки, нижние фаланги. Все остальное поглотила дверь. На глазах Дага его безымянный палец сломался. Он увидел, как падает и катится по проезжей части его обручальное кольцо.

Он чувствовал что-то, Иисус и святой Боже, похожее на жующие зубы. «Универсал» пережевывал его руку.

Даг попытался освободиться. Брызнула кровь — частично на грязную дверь, частично на его собственные брюки; капли, попавшие на дверь, тут же исчезли со слабым чавканьем: чавк. На долю секунды он почти вырвался. Увидел костяшки пальцев, с которых сползала плоть, и мозг отреагировал чудовищной картинкой: обглоданные куриные крылышки. Самое вкусное мясо, утверждала его мать, находится на самой косточке, даже не вздумайте что-то там оставлять.

Его потащило вперед. Дверь водителя распахнулась: привет, Даг, заходи. Край двери чиркнул по лицу, и он ощутил, как его лоб становится сначала ледяным, а затем очень горячим.

Он предпринял еще одну попытку освободиться, бросил телефон и попробовал упереться свободной рукой в заднее стекло — но вместо поддержки почувствовал, как оно деформируется и обволакивает ладонь. Даг выпучил глаза и уставился на каплю стекла, вибрирующую, точно гладь пруда под легким ветром.

Вибрирующую? Да нет, жующую. Пережевывающую.

Вот мне за доброго самари...

Водительская дверь вонзилась ему в череп и мягко вошла в черепную коробку. Даг Клейтон услышал громкий хлопок, словно сучок треснул в пламени костра, и опустилась темнота.

Направляющийся на юг дальнобойщик краем глаза увидел маленький зеленый автомобиль с включенными аварийными огнями, припаркованный рядом с грязным «универсалом». Какой-то человек — возможно, владелец зеленой машинки — наклонившись, о чем-то беседовал с водителем. Авария, решил дальнобойщик, и вернулся к дороге. Плохой самаритянин.

Дага Клейтона рывками затягивало внутрь, как если бы кто-то — кто-то с огромными ладонями и тонкими большими пальцами — тянул его за футболку. «Универсал» начал менять форму и сморщиваться — как рот, в который угодило что-то кислое, или что-то сладкое. Раздался сухой хруст, будто тяжелые сапоги ступали по высохшим веткам. «Универсал» стоял так несколько секунд, больше похожий на мозолистый кулак, чем на автомобиль. Затем со звонким шлепком, как если бы кто-то удачно отбил теннисный мяч, он вновь принял свою прежнюю форму.

Солнце ненадолго выглянуло из-за туч, отразилось в сотовом телефоне, пустило зайчика лежащим на земле обручальным кольцом Дага Клейтона и ушло восвояси.

Стоявший за «универсалом» маленький «Приус» мигал аварийными огнями. Каждая вспышка сопровождалась тихим щелчком, похожим на тиканье часов: тик... тик... тик...

Мимо проносились редкие машины. Неделя до Пасхи и неделя после — самое сонное время на магистралях страны, а полдень — почти самое сонное время суток. Тише только часы между полночью и пятью утра.

Тик... тик... тик...

В заброшенном ресторане все так же спал Пит Симмонс.

Джулианн Вернон («Додж Рэм» пятого года)

Джули Вернон и без помощи короля Якова знала, как должно поступать доброму самаритянину. Она выросла в небольшом городке Редфилд, штат Мэн (население 2400 человек), где отзывчивость и помощь ближнему были образом жизни — и где даже приезжего считали своим соседом. Никто ничего ей не объяснял: она училась на примере матери, отца и старших братьев. Если ты видел человека, лежащего в пыли, становилось неважным, кто он — самаритянин или марсианин. Ты просто останавливался, чтобы помочь.

И при этом ее особо не волновала возможность того, что спасаемый мог на самом деле оказаться грабителем, насильником или убийцей. Джули, наверное, стала бы хорошей женой — потому что служила живой иллюстрацией старой поговорки: «Зимой согреет, летом тень отбросит». Когда в пятом классе медсестра спросила, сколько она весит, Джули гордо ответила: «Папа говорит, что я красотка на все сто семьдесят!»^[5] Чуть меньше, если совсем без одежды.

Сейчас, в тридцать пять, она была красоткой на все двести восемьдесят,^[6] и ее совершенно не интересовала перспектива стать чьей-то женой. Джули предпочитала девушек и не стыдилась этого. На бампере «Рэма» красовались две наклейки: «ПОДДЕРЖИМ РАВЕНСТВО ПОЛОВ» и «ПРЕКРАСЕН ГЕЕВ МИР!»

Впрочем, сейчас наклейки были не видны, так как Джули везла на буксире то, что называла «коневозкой». В Клинтоне она купила двухлетнюю испанскую кобылицу^[7] и в данный момент возвращалась в Редфилд, где жила с подругой на ферме — всего в двух милях ниже по дороге от дома, где выросла.

Она размышляла, как это часто бывало, о своем пятилетнем стаже в «Твинклс», гастролирующей женской команде мадреслеров.^[8] И хорошая пятилетка, и неважная пятилетка. Неважная — потому что «Твинклс» на самом деле представляли собой шоу уродов (кем они в определенном смысле и являлись) на потеху зевающей публике. Хорошая — потому что Джули успела повидать столько интересных мест! По большей части американских мест, но ведь были же и три месяца в Англии, Франции и Германии, где «Твинклс» принимали так тепло и участливо, что даже становилось не по себе. Принимали как

настоящих леди.

Она по-прежнему хранила свой загранпаспорт, хотя и не думала, что когда-нибудь снова окажется за пределами Штатов. С одной стороны ее это устраивало. Ей нравилось коротать дни с Амелией и ее домашним скотом на ферме, она была счастлива, но иногда Джули скучала по гастролям. Случайные ночевки, схватки в свете софитов, суровое девичье братство... Иногда она даже скучала по яростным перепалкам со зрителями.

«Схвати ее за манду, она лесбиянка, ей понравится!» — прокричал одной ночью какой-то отморозок. В Тулсе,^[9] если ей не изменяла память.

Джули и Мелисса, с которой они возились в грязи, посмотрели друг на друга, кивнули, встали на ноги и подошли к зрительскому сектору, из которого кричали. Они синхронно выбросили средние пальцы — в насквозь мокрых бикини, грязь капала с волос и груди — и аудитория взорвалась аплодисментами. А затем все зрители шумно выдохнули, когда сначала Мелисса, а потом и Джули повернулись, наклонились, стянули трусы и показали придурку свои голые задницы.

Ее воспитали так, что она чувствовала ответственность перед каждым, кто упал и не в силах подняться. Но точно так же ее воспитывали не сносить оскорблений — касались ли они лошадей, веса или сексуальных предпочтений. Как только ты начинал жрать дерьмо, оно быстро становилось основным блюдом твоего меню.

Компакт-диск доиграл последнюю по списку песню. Джули почти нажала на кнопку выброса, когда увидела впереди машину, припаркованную недалеко от подъездной дорожки закрытой стоянки «81 Миля». Перед ней стояла еще одна, грязный разбитый «универсал». «Форд» или «Шевроле», сложно сказать наверняка.

Джули не принимала решения, потому что ничего решать не требовалось. Она включила поворотник, поняла, что не сможет повернуть к стоянке из-за болтающегося позади фургона, и остановилась на аварийной полосе.^[10] Она постаралась не задеть колесами обочину — меньше всего Джули хотелось перевернуть фургон с лошадьё, за которую она только что отдала восемнадцать сотен.

Возможно, ничего страшного и не произошло, однако проверить не помешает. Возможно, какой — то девушке на магистрали внезапно захотелось ребенка, а парень, решивший ей в этом помочь, вошел в азарт и потерял сознание — кто знает? Джули включила аварийные огни, но «коневозка» практически полностью перекрывала их.

Она вышла, осмотрела обе машины и не увидела ни души. Может, водителей кто-то подобрал, но, вероятней всего, они отправились в закусочную. Джули сомневалась, что они там что-то нашли: стоянку закрыли еще в прошлом сентябре. Она сама частенько останавливалась здесь, чтобы купить рожок замороженного йогурта, но теперь была вынуждена баловаться десертом двадцатью милями северней, в Огасте, в «Деймонс».

Она огибала фургон, когда ее кобыла, ДиДи, вдруг высунула морду наружу. Джули потрепала лошадь по щеке: «Ну-ну, крошка. Я на минутку».

Она открыла задние двери фургона, чтобы добраться до ящика с инструментами. ДиДи решила, что это неплохой момент, чтобы выбраться наружу, но Джули придержала ее мясистым плечом, шепча «Ну все, все, крошка».

В ящике, поверх инструментов, лежало несколько сигнальных факелов и два миниатюрных дорожных конуса. Джули зацепила конусы пальцами (решив, что факелы вряд ли понадобятся в это время суток), вытащила их и заперла ящик на засов, чтобы ДиДи не поранила копыто, сделав неудачный шаг. Закрыла двери фургона. ДиДи снова высунула морду. Джули не верила в то, лошади могут выглядеть озабоченными, но ДиДи сейчас выглядела именно так.

«Я быстро», — произнесла Джули, затем выставила позади фургона конусы и направилась к странным автомобилям.

«Приус» был пуст, но незаперт. Джули это не сильно беспокоило, хотя она и отметила для себя тот факт, что на заднем сиденье машины лежали портфель и выглядевший недешево чемодан. Водительская дверь старого «универсала» слегка приоткрылась. Джули сделала пару шагов, затем нахмурилась и остановилась. На асфальте рядом с открытой дверью лежал сотовый телефон. Рядом блестело обручальное кольцо. Корпус телефона треснул, как если бы кто-то его уронил. А на маленьком экранчике, где высвечивались цифры, неужто капля крови?

Да нет, скорее всего, грязь — та же, что покрывала корпус «универсала». но Джули происходящее нравилось все меньше и меньше. Перед тем, как погрузить ДиДи в фургон, она проехала на ней пару кругов. Переодеться не успела, так что на ней до сих пор был этот нелепый прогулочный юбочный костюм. Джули достала из правого кармана мобильник и стала раздумывать, стоит ли набирать 911.

Нет, решила она. Не сейчас. Но если в грязном «универсале» никого не будет, или пятно на разбитом телефоне в самом деле окажется кровью, она позвонит. И подождет патрульную машину на этом самом месте, вместо того, чтобы идти на разведку в

здание стоянки. Она была храброй и добросердечной, но не глупой.

Она наклонилась, чтобы лучше рассмотреть телефон и кольцо. Подол юбки изящно скользнул по борту «универсала» и начал растворяться в нем, Джули сильно качнуло вправо. Тяжелое бедро коснулось грязной поверхности, которая тут же начала изменяться, заглатывая ткань и плоть под ней. От резкой, чудовищной боли Джули закричала и выронила телефон; она попыталась оттолкнуть машину от себя, словно это была ее партнерша по мадреслингу, но правая рука и предплечье скрылись за дрожащей мембраной, в которую внезапно превратилось окно пассажирской двери. По другую сторону мембраны вместо мясистой руки крупной фермерши слабо различалась тонкая кость, с которой свисали лохмотья плоти.

«Универсал» стал морщиться.

На юг проехала машина, потом еще одна. Фургон с лошадьёю загораживал от них женщину, которая наполовину уже скрылась в меняющем форму автомобиле, как Братец Кролик, увязший в смоляном чучеле. Криков ее они тоже не слышали — один из водителей слушал записи Тоби Кейта, другой — «Лед Зеппелин». Оба выкрутили ручки регулировки громкости на максимум. Лежащий на полу закусочной Пит Симмонс услышал Джули, но лишь как далекое эхо. Его веки задрожали.

Крики прекратились.

То, что выглядело как «универсал», ело одежду и обувь Джулианн Вернон. Единственное, чем оно побрезговало — сотовый телефон, который теперь лежал рядом с трубкой Дага Клейтона.

По завершении трапезы оно с тем же теннисным хлопком вновь приняло форму автомобиля.

В «коневозке» ДиДи заржала и ударила копытом. Она была голодна.

Семейство Люсье («Форд Экспедишн» одиннадцатого года)

— Мама, папа, смотрите! Лошадница! Вон ее машина, видите? Видите? — воскликнула шестилетняя Рейчел Люсье.

Карлу не удивило, что именно Рейч заметила фургон — пусть она и ехала на заднем сиденье. Никто в семье не мог сравниться с ней в наблюдательности. Глаз-рентген, как иногда говорил отец; одна из тех шуток, в которых и шутки-то нет.

Джонни, Карла и Блэйк, которому исполнилось четыре, носили очки. Все Люсье носили очки — и по материнской, и по отцовской линии. Кто знает, возможно, даже их псу Бинго пригодилась бы пара: иногда он не замечал противомоскитной сетки, когда хотел выбежать на улицу. А вот Рейч избежала семейного близорукого проклятия. В последний раз у окулиста она прочитала всю чертову таблицу, до последней строчки. Доктора Стрэттона это поразило. «Она бы прошла тест на пригодность в военно-воздушных силах», — сказал он Джонни и Карле, на что Джонни ответил: «Может быть, когда-нибудь и пройдет. У нее все в порядке с охотничьим инстинктом — по крайней мере, когда дело доходит до младшего брата».

Карла тогда толкнула его локтем. Впрочем, Джонни сказал правду. Она слышала, что конкуренция среди малышей не так сильна, если дети разнополые. Что ж, в таком случае Рейчел и Блэйк служили тем самым исключением, что подтверждает правило. Иногда Карла думала, что двумя словами, что ей приходится слышать чаще всего, являются «это» и «начал» — лишь местоимение между ними варьировалось в зависимости от ситуации.

Первую сотню миль они вели себя довольно спокойно. Частично из-за визита к родителям Джонни (после него у детей всегда хорошее настроение), частично из-за нейтральной полосы, которую Карла создала между ними с помощью книжек-раскрасок и кучи игрушек. Но после остановки на перекус и туалетные нужды в Огасте ссоры возобновились. Наверняка из-за мороженого: давать детям сладкое в дальней дороге — все равно что заливать бензином костер, Карла знала это, и все-таки нельзя же им постоянно отказывать.

В отчаянии Карла объявила игру «Зоркий глаз» и начала вести счет очкам, которые присуждала за каждого садового гнома,

колодец или статую Девы Марии. К сожалению, магистраль была пустынной — много лесов, мало дорожных построек — так что к моменту, когда Рейчел увидела фургон рядом со старой стоянкой «81 Миля», дети уже стали напоминать Карле старых ворчунов.

— Хочу снова погладить лошадку! — потребовал Блэйк. Он начал молотить ногами по сиденью, как самый маленький в мире брейк-дансер. Его ноги уже доставали до водительского кресла, что Джонни находил весьма раздражающим.

«Напомните мне, зачем я хотел завести детей, — думал он. — О чем я, скажите на милость, думал. Точно помню, какая-то причина была».

— Блэйки, не пинай папино кресло, — сказал Джонни.

— Хочу снова погладить лаша-а-а-адку! — завопил Блэйк, и его ботинок воткнулся в спину отца с особой жестокостью.

— Вот ты лялька, — подала голос Рейчел из своей демилитаризованной зоны. Произнесла это как Большая Девочка, снисходительно — такой тон гарантированно выводил Блэйка из себя.

— Я НЕ ЛЯЛЬКА!

— Блэйки, — сказал Джонни, — если не перестанешь пинаться, папочка возьмет свой большой нож и отрежет тебе ножки до самых лодыжек.

— Сломалась, похоже, — перебила его Карла и указала на оранжевые конусы. — Видишь эти штуки? Притормози.

— Родная, мы не можем просто так взять и встать на аварийную полосу.

— Да нет, припаркуйся рядом с теми двумя. Возле стоянки. Там есть место, и ты никому не будешь мешать — стоянка-то закрыта.

— Не знаю как ты, а я хочу вернуться в Фалмут до темно...

— Просто притормози, — Карла услышала в своем голосе угрожающие нотки, этот голос не терпел возражений. Нехорошо. Сколько раз она слышала, как Карла разговаривает с братом точно так же, доводя того до слез?

Убрав повелительные интонации и смягчив тон, Карла добавила: «Эта женщина была так добра с ними».

Они столкнулись с ней в «Деймонс». Лошадница (сама размером с коня) стояла рядом с фургоном, ела мороженое и чем-то кормила прелестную маленькую кобылицу. Карле показалось, что батончиком мюсли.

Джонни, державший детей за руки, попытался пройти мимо, но Блэйка это не устраивало.

— Можно погладить вашу лошадь? — попросил он.

— Это будет стоять тебе четвертак, — ответила крупная

женщина в коричневой ездовой юбке и улыбнулась удрученному выражению, появившемуся на лице мальчика. — Брось, я шучу. Подержи — ка.

Она доверила рожок с мороженым Блэйку, который был так удивлен, что просто взял его, не помышляя о большем, и подняла мальчишку так, чтобы он смог дотянуться до лошадиного носа. ДиДи наградила изумленного Блэйка спокойным взглядом, обнюхала рожок, решила, что сможет без него обойтись, и позволила погладить себя по носу.

— Ух ты, какой мягкий! — произнес Блэйк. Карла никогда не слышала в его голосе столько трепета. «Почему мы не водим детей в зоопарк?», — удивилась она и сделала соответствующую запись в своем мысленном списке дел на ближайшее будущее.

— И меня, и меня! — кричала Рейчел, подпрыгивая от нетерпения.

Женщина поставила Блэйка на землю.

— Можешь лизнуть пару раз, пока я буду держать твою сестру, — сказала она ему. — Только смотри, не наглотайся блох.

Карла хотела сказать сыну, что есть после других — особенно странных — людей не хорошо. А потом увидела смущенную улыбку на лице Блэйка и решила: какого черта! Ты отправляешь детей в школу, которую на самом деле правильнее было называть фабрикой микробов. Ты сотни миль едешь с ними по шоссе, где какой-нибудь пьяный урод или подросток, набирающий СМС за рулем, в любой момент может выскочить на встречную полосу и размазать их в лепешку. И после этого ты станешь запрещать ему разок лизнуть чужое мороженое?

Лошадница подняла Рейчел и та тоже дотронулась до носа кобылицы.

— Ой, классно! — воскликнула девочка. — А как ее зовут?

— ДиДи.

— Здоровское имя! Я люблю тебя, ДиДи!

— Я тоже люблю тебя, ДиДи, — сказала лошадница и звонко щелкнула ДиДи по носу. Все засмеялись.

— Мам, а можно мы тоже заведем лошадь?

— Само собой, — ответила Карла. — Когда тебе исполнится двадцать шесть.

Рейчел тут же насупилась (надула щеки, нахмурила брови, опустила уголки губ), но когда лошадница рассмеялась, то сдалась и тоже улыбнулась.

Толстуха повернулась к Блэйки, положив руки на колени.

— Могу я получить назад свое мороженое назад, молодой человек?

Блэйк протянул рожок. Когда женщина его забрала, мальчик

начал облизывать пальцы, к которым прилипли молотые фисташки.

— Спасибо, — сказала Карла. — Вы были очень добры.

И добавила, уже сыну: «Пойдем внутрь, помоем ручки. Потом получишь свое мороженое».

— Я хочу такое же, как у нее, — сказал Блэйк, и лошадица снова засмеялась.

Джонни настоял, чтобы они перекусили в кафе — ему совсем не хотелось заляпать новый «Экспедишн» фисташковым мороженым. Когда они закончили и вышли наружу, лошадицы уже не было.

Еще одна из тех людей — иногда противных, чаще приятных, время от времени даже жутких — которых ты встретишь на дороге и больше не увидишь никогда.

Да только вот она, или, по крайней мере, ее пикап, припаркованный на аварийной полосе, аварийные конусы расставлены перед фургоном. Карла была права: детям женщина понравилась. Согласившись с этим, Джонни Люсье принял худшее — и последнее — решение в своей жизни.

Мигнув поворотником, он свернул на подъездную дорожку, как рекомендовала Карла, и припарковался перед «Приусом» Дага Клейтона, который все еще мигал аварийными огнями, рядом с грязным «универсалом». Рукоятку коробки передач перевел в положение парковки, но двигатель не заглушил.

— Я хочу погладить лошадку, — сказал Блэйк.

— Я тоже, — высокомерно произнесла Рейчел — бог знает, где она научилась так говорить. Карлу это бесило, но она сдерживала себя: стоит один раз возмутиться, и Рейч начнет разговаривать так постоянно.

— Только с разрешения хозяйки, — ответил Джонни. — Пока что оставайтесь, где сидите. И ты тоже, Карла.

— Да, повелитель, — протянула Карла голосом зомби, который всегда так веселил детей.

— Смешно до колик, милый кролик.

— В кабине пикапа никого, — заметила Карла. — Все машины пустые. Как ты думаешь, может, что случилось?

— Не знаю. Кажется, все нормально. Подождите меня здесь.

Джонни Люсье вышел, обошел «Форд Экспедишн», за который так и не успеет расплатиться, и пошел к пикапу. Карла не видела лошадицы, но надеялась, что та не лежит на водительском кресле, схватившись за сердце. По иронии судьбы, Джонни в душе не сомневался, что инфаркт подстерегает каждого, кто весит хотя бы на пять фунтов больше рекомендуемого сайтом MedicineNet^[11] значения, максимум к

сорока пяти годам.

На сиденье ее не было (конечно; человека такого размера Карла заметила бы, в каком положении тот бы не находился), в фургоне тоже. Только лошадь, которая высунула морду и обнюхала лицо Джонни.

— Эй, привет. — на секунду он забыл ее кличку, потом вспомнил. — ДиДи. Как оно, ничего?

Джонни похлопал ее по носу и вернулся к двум машинам, стоявшим на подъездной дорожке. Похоже, тут действительно произошла авария — хотя и смехотворная: «универсал» сбил несколько заградительных знаков.

Карла опустила окно — незаблокированное, в отличие от детских.

— Ну что, видишь ее?

— Не-а.

— Вообще видишь кого-нибудь?

— Карла, подо... — тут он увидел сотовые телефоны и обручальное кольцо рядом с приоткрытой дверью «универсала».

— Что там? — Карла вытянула шею, пытаясь разглядеть.

— Секунду, — он хотел сказать ей, чтобы она заперла замки в машине, потом передумал. Ради всего святого, они находились на шоссе среди бела дня. Каждые двадцать или тридцать секунд кто-то проезжает мимо, иногда по две или три машины в ряд.

Он наклонился и поднял мобильники, по одному каждой рукой. Повернулся к Карле и не заметил, как дверь «универсала» распахнулась шире, точно хищная пасть.

— Карла, мне кажется на одном из них кровь, — Джонни поднял телефон Дага Клейтона.

— Мам, а кто в той грязной машине? — спросила Рейчел. — Дверь открывается.

— Возвращайся, — проговорила Карла. Ее рот внезапно пересох. Хотелось крикнуть, но на грудь, казалось, кто-то опустил камень. Незримый, но очень тяжелый. «В той машине кто-то есть!»

Вместо того, чтобы вернуться, Джонни пригнулся и заглянул в салон. Дверь с размаху захлопнулась. Раздался кошмарный глухой звук. Камень с груди Карлы внезапно исчез; она набрала полные легкие воздуха и принялась выкрикивать имя мужа.

— Что с папой? — захныкала Рейчел высоким, тонким голоском. — Что случилось с папой?

— Папа! — воскликнул Блэйк. Он оторвался от изучения нового трансформера и теперь крутил головой в поисках отца.

Карла не раздумывала. Тело ее мужа торчало снаружи, голова оставалась в салоне. Джонни, впрочем, был еще жив: его ноги и

руки истоптленно молотили воздух. Она даже не заметила, как открыла дверь и выскочила на дорогу. Мускулы, казалось, сокращались, сами по себе, оставив разуму пост наблюдателя.

— Мапочка, нет! — заорала Рейчел.

— Мапочка, НЕТ! — Блэйк понятия не имел, что происходило, но он знал, что происходило что-то нехорошее. Он начал плакать и дергать ремни, которые держали его в кресле.

Карла схватила мужа за запястье и с силой, которую ей дал выплеск адреналина, дернула на себя. Дверь слегка приоткрылась, и из салона небольшим водопадом полилась кровь. На какое-то ужасное мгновение она увидела голову Джонни, лежавшую на водительском сиденье. Но даже теперь она ощущала дрожь его рук; она поняла (в молниеносном озарении понимания, какие случаются даже во время панических приступов), что именно так выглядят жертвы повешения сразу после того, как их вздернули. Потому что ломается шея. В этот короткий, обжигающий миг она вдруг подумала, что он выглядит глупо и уродливо, в этом вся сущность ее мужа. Карла поняла, что Джонни мертв, тряслись ли его конечности или нет. Так выглядит подросток, неудачно прыгнувший в воду и разбившийся о камни. Так выглядит женщина, насаженная на рулевое колесо, после того, как разбила машину об опору моста. Когда тебя внезапно настигает уродливая смерть, ты выглядишь именно так.

Дверь яростно захлопнулась. Карла все еще держала Джонни за запястье, и когда ее внезапно потянуло вперед, пришло еще одно озарение.

Машина. Нужно держаться подальше от машины.

Карла отпустила руку мужа слишком поздно. Пучок ее волос коснулся поверхности «универсала» и тот тут же всосал его в себя. Прежде, чем она смогла освободиться, голова ударилась о корпус машины. Лоб пронзила пылающая боль, словно кто-то вгрызлся в ее скальп.

«Беги! — попыталась прокричать Карла своей зачастую непослушной, но, без сомнения, умной дочери. — Бери Блэйка и убегайте!»

Но еще прежде, чем она начала озвучивать эту мысль, ее рот исчез.

Лишь Рейчел видела, как «универсал» поймал ее отца, точно венерина мухоловка зазевавшегося жучка, но то, как их мать затягивало внутрь автомобиля, словно он был не железный, а тряпчатый, видели оба — и она, и ее брат. Один мокасина слетел с маминой ноги, блеснул розовый лак на ногтях, и она исчезла. Секундой позже «универсал» сморщился и стал похож на кулак. Сквозь окно, открытое их матерью, дети слышали, как машина

чем-то хрустит.

— Что там? — кричал Блэйки. По его щекам текли слезы, на губе висела сопля. — Что там, Рейчи, что там, что там?

Кости, подумала Рейчел. Ей было всего шесть, она была незнакома с миром взрослых фильмов и телепередач, но девочка понимала: машина перемалывает кости.

Это не машина. Какой-то монстр.

— Где мама с папой? — спросил Блэйк, взглянув на нее своими большими глазами, которые казались еще больше из-за слез. — Где они, Рейчи?

Как будто ему опять два годика, подумала Рейчел, и впервые в своей жизни почувствовала к брату что-то, кроме раздражения (или даже ненависти — в те минуты, когда он особенно доставал ее). Девочка не считала это новое чувство любовью. Ей казалось, что оно даже больше. Мама не успела ничего сказать на прощанье, но если бы могла, Рейчел знала, какие слова бы услышала: позаботься о Блэйки.

Он возился в своем кресле — пытался освободиться. Блэйк знал, как расстегнуть ремни, но в панике забыл, как это делается.

Рейчел сняла ремень безопасности, выбралась из кресла и попыталась вытащить брата. Одна из его болтающихся ладоней шлепнула ее по лицу — в обычных обстоятельствах он заработал бы за это хорошую взбучку (а ее бы заперли в комнате, где она бы сидела, уставившись в стену и пытаясь справиться с накатывающими волнами гнева), но теперь она просто поймала его руку и прижала к сиденью.

— Перестань! Я выпущу тебя, но только если ты не будешь мне мешать!

Он прекратил дергаться, но продолжал рыдать.

— Где папа? Где мама? Я хочу к маме!

Я тоже, засронец, подумала Рейчел и расстегнула ремни.

— Сейчас мы выйдем и...

И что? Они выйдут, и что дальше? Пойдут в закусочную? Она закрыта, вот почему на подъездной дороге так много оранжевых шуток. Вот почему на заправке не стояли колонки, а парковка заросла травой.

— ...уйдем отсюда, — закончила она.

Рейчел вышла из «Форда» и подошла к брату. Она открыла дверь, но Блэйк лишь смотрел на нее полными слез глазами и не двигался.

— Я не могу, Рейчи, я упаду.

Не будь таким трусишкой, почти сказала она — и все же промолчала. Сейчас не время. Он и так расстроен. Она распахнула руки и сказала: «Давай, спускайся, я поймаю тебя».

Он с сомнением посмотрел на нее, затем соскользнул вниз. Рейчел поймала его, но он оказался тяжелее, чем она рассчитывала, так что они оба неуклюже завалились на бок. Ей досталось больше, потому что она оказалась снизу, но заплакал именно Блэйки, на этот раз не от страха, а от боли — он ударился головой и поцарапал руку.

— Прекрати, — сказала она и выкарабкалась из-под него. — Будь мужиком, Блэйки.

— Ммм?

Она молчала. Рейчел смотрела на телефоны, лежавшие рядом с ужасным «универсалом». Один из них, похоже, разбит, но другой.

Рейчел очень осторожно, на корточках, поползла вперед — не спуская глаз с машины, в которой ужасающе быстро сгнули ее родители. В тот момент, когда ее рука тянулась к целому телефону, мимо прошел Блэйки.

— Ма? Мама? Выходи! Я поранился. Тебе нужно выйти и поцеловать меня, по...

— Стоять на месте, Блэйк Люсье!

Карла могла бы гордиться: это был ее голос, тот самый, не подчиниться которому невозможно. И он сработал. Блэйк остановился в четырех футах от «универсала».

— Но мне нужна мама! Мне нужна мама, Рейчи!

Она схватила его за руку и притянула к себе: «Не сейчас. Лучше помоги мне». Рейчел знала, как обращаться с телефоном, но нужно было отвлечь брата.

— Дай сюда, Рейчи! Я знаю, как! Дай!

Она протянула ему телефон, и пока он изучал кнопки, поднялась на ноги, схватила его за тыльную сторону футболки с изображением Россوماхи и оттащила на три шага назад. Блэйк не обращал внимания. Он нашел кнопку включения на мобильнике Джули Вернон, нажал на нее и телефон пискнул. Рейчел забрала трубку, и впервые в своей глупой мальчишеской жизни Блэйки не стал протестовать.

Когда Мак Графф, пес-полицейский,^[12] пришел к ним в школу и начал рассказывать разные вещи, Рейчел слушала его очень внимательно (хотя знала, что на самом деле перед ней какой-то человек в костюме собаки), и теперь об этом не сожалела. Девочка набрала 911 и прижала телефон к уху. Трубку сняли после первого гудка.

— Алло? Меня зовут Рейчел Энн Люсье, и...

— Звонок записывается, — прервал ее мужской голос. — Если вы хотите сообщить о чрезвычайной ситуации, нажмите «один». Если у вас есть замечания по состоянию дорог, нажмите «два».

Если вы хотите сообщить о застрывшем трансп...

— Рейчи? Рейчи? Где мама? Где па...

Рейчел строго шикнула и нажала «единицу», что потребовало усилий: руки тряслись, перед глазами все плыло. Она вдруг обнаружила, что плачет. Когда она начала плакать? Рейчел не помнила.

— Алло, это девять-один-один, — произнесла женщина в трубке.

— Вы настоящая или еще одна запись? — уточнила Рейчел.

— Я настоящая, — в голосе почувствовалась улыбка. — С вами произошел несчастный случай?

— Да. Плохая машина съела маму и папу. Это рядом с...

— Подожди, — посоветовал еще более повеселевший голос. — Сколько тебе лет?

— Мне шесть с половиной. Меня зовут Рейчел Энн Люссье, и машина, плохая машина.

— Слушай, Рейчел Энн или как там тебя, я могу отследить этот звонок. Ты знаешь об этом? Спорю, что не знаешь. Так что повесь трубку, пока я не вызвала полицейских, которые приедут прямо к тебе домой и...

— Они умерли, тупая ты телефонистка! — выкрикнула Рейчел, и Блэйк, услышав третье слово, снова начал плакать.

Какое-то время женщина молчала. Потом — куда только ушло все веселье — произнесла: «Где ты сейчас, Рейчел Энн?»

— Возле пустой закуской! Рядом с ней еще стоят такие оранжевые штуки!

Блэйки сел и закрыл лицо руками. От этого Рейчел стало так больно, как не было никогда. Эта боль шла от самого сердца.

— Такой информации недостаточно, — сказала женщина в телефоне. — Ты можешь более определенно указать, где именно находишься, Рейчел Энн?

Рейчел не знала, что означает «более определенно», однако точно знала, что видит: заднее колесо «универсала», ближайшее к ним, начало таять. Щупальце, похожее на нитку жидкой резины, медленно тянулось к Блэйки по дорожному покрытию.

— Мне пора, — ответила Рейчел. — Нам нужно уйти от этой машины подальше.

Она подняла Блэйка на ноги, глядя на ползущую резину. Щупальце развернулось и поползло обратно (знает, что не дотянется до нас, подумала девочка). Колесо вновь стало просто колесом, но для Рейчел этого было недостаточно. Она продолжала тащить Блэйка по подъездной дороге назад, на шоссе.

— Куда мы идем, Рейчи?

Откуда мне знать.

— Подальше от этой машины.

— А как же мои трансформеры?

— Позже, не сейчас, — она еще крепче схватила Блэйка, все так же двигаясь по направлению к шоссе, где на скорости семьдесят миль в час проносились редкие автомобили.

Нет более пронзительного звука, чем вопль ребенка — самого эффективного механизма защиты, данного человеку природой. Пит Симмонс уже не спал, а практически дремал и когда Рейчел закричала в телефонную трубку, он ее услышал и окончательно проснулся.

Он сел. Его передернуло. Он прижал руку ко лбу: голова болела, и он знал причину этой боли. Ужасное ПОХМЕЛЬЕ. Язык Пита словно порос мхом, желудок выворачивало. Не тошнило, правда, но какая разница?

Слава богу, я не стал пить дальше, подумал он, и поднялся на ноги. Подошел к окну, чтобы проверить, чей крик его разбудил. То, что он увидел, Питу не понравилось: оранжевые конусы, загораживавшие въезд на стоянку, валялись в беспорядке. А еще там стояли машины. Несколько машин.

Потом он увидел детей — девочку в розовых штанах и маленького мальчика в шортах и футболке. Он успел увидеть ребят лишь мельком, но этого ему хватило, чтобы понять: они убегают, словно что-то чертовски их напугало. После этого они забежали за то, что показалось Питу лошадиным трейлером.

Что-то случилось. Несчастный случай или вроде того, хотя ничего похожего на последствия несчастного случая он вроде бы не видел. Первым желанием Пита было убраться как можно быстрее; убраться, пока его не поймали — что бы здесь не произошло. Он схватил свою сумку и пошел к кухонному блоку и погрузочной площадке, находившейся за ним, а затем остановился. Снаружи он видел детей. Маленьких детей. Слишком маленьких, чтобы находиться на шоссе в одиночку, а взрослых поблизости он не наблюдал.

Но ведь они должны быть! Ты же видел все эти машины!

Да, машины он видел. И пикап с фургоном для перевозки лошадей тоже видел, а вот взрослых — нет.

Я должен им помочь. Даже если попаду в неприятности, я должен им помочь, пока их не размазало по магистрали.

Пит поспешил к входной двери закусочной, обнаружил, что она закрыта, и спросил себя, как наверняка спросил бы его Норми Терриоль: эй, мелкий, как твои предки вообще выжили?

Пит развернулся и бросился к погрузочной площадке. От бега

голова разболелась сильнее, но он старался этого не замечать. Он поставил сумку на краю бетонной платформы, опустил на руках, спрыгнул. Приземлился неудачно, стукнулся копчиком — но и на это не обратил внимания, поднялся на ноги, посмотрел в сторону леса. Он мог уйти, просто уйти. Необычайно привлекательная идея. Совсем не как в кино, где хорошие парни совершают правильные поступки, не колеблясь ни секунды. Если кто-то учует запах алкоголя.

— Господи, — произнес он. — Господи Боже и святые угодники.

Какого он вообще сюда приперся?

Крепко держа брата за руку, Рейчел пересекала последние метры подъездной дороги. Как только они подошли к шоссе, мимо промчался огромный грузовик с прицепом — со скоростью, по меньшей мере, семьдесят пять миль в час. Поток ветра взъерошил их волосы, задрал одежду и почти свалил Блэйка с ног.

— Рейчи, мне страшно! Нам нельзя выходить на дорогу!

Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю, подумала Рейчел.

Дома им не разрешалось выходить дальше дорожки, ведущей к гаражу — да и дорожное движение на Бимэн Лэйн в Фэлмуте сложно было назвать оживленным. Здесь, на шоссе, машины тоже проезжали редко, но те, что проезжали, делали это очень быстро. С другой стороны, куда еще им было идти? По аварийной полосе? Слишком рискованно. Вокруг сплошные леса. Они могли бы пойти к закусочной, но тогда пришлось бы проходить мимо плохой машины.

Красный спорткар пронесся мимо, парень за рулем просигналил, и от этого громкого УААААААА ей захотелось заткнуть уши.

Блэйк потянул ее куда-то, и Рейчел не стала сопротивляться. У края подъездной дороги торчали низкие ограждения, и Блэйк уселся на длинную поперечную балку одного из них, уткнув лицо в пухлые ладони. Рейчел села рядом. Что делать дальше, она не знала.

Джимми Гординг («Краун Виктория» одиннадцатого года)

Вопль ребенка, может, и самый эффективный механизм защиты, данный природой человеку — но для человечества в целом (во всяком случае, когда речь заходит об автомобильном движении на магистралях с ограничением скорости) таким механизмом можно назвать припаркованный патрульный автомобиль, особенно с выставленным навстречу потоку радаром. Те, кто едет со скоростью семьдесят миль в час, сбавляют ее до шестидесяти пяти; те, кто выжимал все восемьдесят, жмут на тормоз и прикидывают в уме, что случится с их правами, если в зеркале заднего вида засверкают синие мигалки (эффект, впрочем, быстро сходит на нет: через десять или пятнадцать миль лихачи сполна наверстывают упущенное).

Самый кайф во всем этом, по мнению патрульного штата Мэн Джимми Голдинга, состоял в том, что ты мог ничего не делать вообще. Достаточно просто остановиться, и природа (человеческая, в данном случае) возьмет остальное на себя. В этот пасмурный апрельский день радар Джимми даже не был включен — направляющиеся на юг по 95-му шоссе автомобили следили за собой сами. Все внимание патрульного было сосредоточено на айпаде, подпиравшем снизу рулевое колесо.

Он играл в «Дружеские слова» — что-то наподобие «Скрэббл» — через Интернет. Против него сражался его старый знакомый Ник Эйвери, служивший теперь в патруле штата Оклахома. Джимми не понимал, как вообще кому-то может прийти в голову поменять Мэн на Оклахому — не самое лучшее решение, на его взгляд — но в «Дружеские слова» Ник Эйвери, бесспорно, играл здорово. В девяти случаях из десяти он выигрывал, и в этот самый момент тоже вел в счете. Правда, на этот раз не с таким уж большим перевесом, да и все буквы в электронном мешке уже кончились, так что если он, Джимми, сможет удачно распорядиться имеющимися у него буквами, он сможет наконец-таки насладиться заслуженной победой. Он собрал слово FIX, в запасе оставались A, E, S и еще одна F. Добавить бы к FIX еще что-нибудь! Тогда бы он не просто выиграл — надрал бы дружбану задницу. Впрочем, пока ничего в голову не шло.

Он изучал игровое поле, когда рация дважды пискнула. Сигнал «Всем постам» от вестбрукского отделения службы 911.

Джимми отложил айпад в сторону и прибавил громкости.

— Внимание, всем постам! Есть кто рядом со стоянкой «81 Миля»? Кто-нибудь?

Джимми нажал на гашетку микрофона.

— Диспетчер, это семнадцатый. Я нахожусь на восемьдесят пятой миле, к югу от перекрестка Лисбон-Саббатус.

Голосу в трубке, с которым разговаривала Рейчел Люссье, этого оказалось достаточно. Новая «Краун Виктория» могла доставить Джимми к стоянке за три минуты. Может, даже быстрее.

— Семнадцатый, три минуты назад сюда обратилась маленькая девочка и сообщила, что ее родители мертвы. После этого несколько раз звонили люди, видевшие на обочине стоянки двух оставшихся без присмотра детей.

Он не стал спрашивать, почему никто из звонивших не остановился. Джимми уже доводилось сталкиваться с подобным: кому-то не хотелось связываться с органами правопорядка, большинству было просто насрать. Такое случается сплошь и рядом. И все же, дети. Святой боже.

— Девять-один-один, я проверю. Семнадцатый, отбой.

Джимми включил сигнальные огни, проверил по зеркалам, свободна ли дорога, и тронулся с дорожки гравия, на которой стоял знак «РАЗВОРОТ РАЗРЕШЕН ТОЛЬКО СЛУЖЕБНЫМ АВТОМОБИЛЯМ». Восьмицилиндровый двигатель взревел, на табло электронного спидометра замельтешили цифры, счетчик достиг значения 92 и остановился. По обеим сторонам дороги с головокружительной скоростью проносились деревья. Джимми обогнал старый «Бьюик», который не стал прижиматься к обочине и пропускать патрульную машину, и увидел стоянку. И кое-что еще. Два ребенка — паренек в шортах, девочка в штанишках — сидели на железном ограждении у съезда с магистрали. Они были похожи на самых маленьких в мире бродяг, и его сердце сжалось. У него самого были дети.

Они поднялись, когда заметили проблесковые маячки, и на какое-то ужасное мгновение Джимми показалось, что мальчишка шагнет прямо под колеса. Слава богу, девочка схватила его за руку и остановила.

Джимми затормозил так, что сработала антиблокировочная система. Блокнот, сменный журнал и айпад посыпались на пол. Передние колеса «Виктории» слегка пошли юзом, но ему удалось их выправить и остановиться, перекрыв въезд на стоянку, где уже собралось несколько машин. Что здесь стряслось?

Выглянуло солнце, и в мозгу патрульного Джонни Голдинга четко и ясно возникли совсем, вроде бы, не относящиеся к делу

слова: «ПРИСОЕДИНИТЬСЯ. Я могу ПРИСОЕДИНИТЬСЯ», мелькнули яркой вспышкой и исчезли.

Девочка бежала к водительской двери «Виктории», таща за собой спотыкающегося и хныкающего младшего брата. Белое от ужаса лицо делало ее старше, а на шортах мальчика расплывалось большое мокрое пятно.

Джимми вышел, стараясь не задеть их дверь. Он опустился на колени, и они врезались в него, чуть не сбив с ног.

— Эй, эй, успокойтесь, вы в безо...

— Плохая машина съела маму и папу, — сказал мальчик и вытянул руку. — Вон та плохая машина. Она съела их, как огромный злой волк съел Красную шапочку, верните их назад, пожалуйста!

Невозможно было определить, на что именно указывал маленький пухлый пальчик. Джимми видел четыре автомобиля: словно протащившийся десять миль по проселку «универсал», аккуратный «Приус», «Додж Рэм» с фургоном и «Форд Экспедишн».

— Как твое имя, девочка? Я Джонни, патрульный.

— Рейчел Люссье, — ответила она. — Это Блэйки. Он мой младший брат. Наш адрес: ноль-четыре — один-ноль-пять, штат Мэн, город Фэлмут, улица Фреш-виндс-уэй, дом 19. Не подходите к ней, патрульный Джонни. Она только прикидывается машиной, а на самом деле ест людей.

— О какой машине ты говоришь, Рейчел?

— Вон та, впереди, рядом с нашей. Грязная.

— Грязная машина съела папу и маму! — сообщил маленький мальчик, Блэйки. — А вы вернете их назад, вы полицейский, у вас есть пистолет!

По-прежнему преклонив колено и обняв детей, Джимми бросил взгляд на «универсал». Солнце вновь спряталось за тучи, тени исчезли. По шоссе сновали автомобили — довольно медленно, возможно, из-за включенных проблесковых маячков «Виктории».

«Экспедишн», «Приус» и пикап пусты. Ему казалось, что и в фургоне никого нет — разве что скрючившись на самом полу, и в таком случае лошадь почти наверняка вела бы себя куда беспокойней. Лишь внутренности того самого «универсала», который, как утверждали дети, сожрал их родителей, он разглядеть не мог. Джимми не нравилось, как по его стеклам была размазана грязь, словно кто-то сделал это намеренно. Ему не нравился разбитый телефон, лежащий рядом с водительской дверью. И еще это кольцо. Кольцо, признаться, выглядело жутковато.

Честно говоря, все именно так и выглядело.

Неожиданно дверь водителя чуть открылась — коэффициент жуткости рос на глазах. Джимми напрягся и положил ладонь на рукоятку «Глока», однако из машины никто не вышел. Дверь продолжала оставаться открытой дюймов на шесть, не больше.

— Она так заманивает внутрь, — едва слышно прошептала девочка. — Это не машина, а монстр.

Джимми Голдинг не верил в чудовищные машины с тех пор, как посмотрел «Крестину» ребенком, но некоторые чудовища, без сомнений, могут в них скрываться. И в этой точно кто-то есть. Как бы еще открылась дверь? Вполне возможно, там один из родителей этих малышей: раненый, не в силах проронить и слова. А, возможно, на сиденье кто-то лежит — так, чтобы его не было видно сквозь грязное стекло. Кто-то с оружием в руках.

— Кто в «универсале»? — крикнул Джимми. — Я патрульный, назовите себя.

Никто не ответил.

— На выход. Сначала руки, и лучше бы в них ничего не было.

Однако вышло лишь солнце, нарисовав на дороге тень от двери. Через пару секунд солнце нырнуло в тучи, и дверь снова осталась в одиночестве.

— Пойдем со мной, ребята, — сказал он и повел их к «Виктории». Открыл заднюю дверь. Они устали на разбросанные в беспорядке бумаги, отороченную мехом куртку (в которой Джимми сегодня не нуждался) и прикрепленный к задней части передних сидений дробовик. Особенно на дробовик.

— Мама с папой говорят, что нельзя садиться в машину к чужим людям, — сказал мальчик, которого звали Блэйки. — И в садике тоже так говорили. Чужой — значит, плохой.

— Он полицейский, а это полицейская машина, — ответила ему Рейчел. — Все нормально, садись. И не вздумай трогать ружье, а то отшлепаю.

— Разумное замечание, но ружье заперто. К тому же, оно на предохранителе, — сказал Джимми. Блэйки забрался внутрь и перегнулся через сиденье.

— Ух ты, у вас айпад!

— Замолчи, — сказала Рейчел и залезла в машину вслед за братом. Потом посмотрела на Джимми Голдинга уставшими, полными ужаса глазами и добавила: «Не прикасайтесь к ней. Она липкая».

Джимми сдержал улыбку. Его дочь, на год или около того младше этой девчушки, вполне могла сказать то же самое. Он предполагал, что все особи женского пола делятся на две группы: пацанки и чистюли. Как и его Эллен, эта была чистюлей.

И с этим фатально ошибочным представлением о том, что именно хотела сказать ему Рейчел Люссье, Джимми закрыл их в патрульной машине. Затем он подошел к своей двери и потянулся к рации, ни на секунду не сводя глаз с «универсала» — и никак не мог видеть стоящего рядом с закусочной мальчика с сумкой из искусственной кожи наперевес. Спустя секунду вновь выглянуло солнце, и мальчик скрылся в тени.

Джимми вышел на связь с участком.

— Семнадцатый, ответьте.

— Я на старой стоянке. Здесь четыре брошенных машины, два брошенных ребенка и одна брошенная лошадь. Дети говорят, что одна из машин, «универсал», — в этом месте он остановился, потом подумал — какого черта. — Дети говорят, что «универсал» съел их родителей.

— Прием?

— Думаю, они имели в виду, что кто-то затащил взрослых внутрь. Запрашиваю подмогу, прием.

— Подтверждаю, но ближайший патруль окажется у вас не раньше, чем через десять минут. У Двенадцатого код семь-три в Уотервилле.

Эл Эндрюс. Поди зависает в «Бобс Бургер» и обсуждает с кем-то последние политические новости.

— Сообщите марку, год изготовления и государственный номер «универсала», Семнадцатый.

— Не могу. Номера нет. Машина настолько грязная, что ни марку, ни год изготовления установить невозможно. Хотя она американская, — вроде бы. — Наверное, «Форд» или «Шевроле». Детей я усадил к себе. Их зовут Рэйчел и Блэйки Люссье, живут на Фреш-виндс-уэй в Фэлмуте. Номер дома забыл.

— Девятнадцать! — хором прокричали Рейчел и Блейки.

— Говорят...

— Я все слышал, Семнадцатый. На чем они туда приехали?

— На папином экспундишине! — крикнул Блэйки, радуясь возможности помочь.

— «Форд Экспедишн», — произнес Джимми, — номер три-семь-семь-два-ай-уай. Я собираюсь проверить этот «универсал».

— Понял вас, Семнадцатый. Будь осторожен там, Джимми.

— Так точно. Ах да, чуть не забыл. Передайте диспетчеру, что с детьми все в порядке.

— Это вы, Семнадцатый, или Питер Таунсенд?

Очень смешно.

— Шесть-два, Семнадцатый.

Сначала он хотел вернуть рацию на место, но потом протянул ее Рейчел.

— Если что-то случится — что-то плохое — нажми вот на эту кнопку и скажи «Тридцать». Так ты дашь знать, что офицеру требуется помощь. Все ясно?

— Ясно, но вам не стоит подходить к этой машине, патрульный Джимми. Она кусается, она бросается на людей и она липкая.

Блэйки, который неожиданно для себя оказался в самом настоящем полицейском автомобиле и забыл о том, что произошло с родителями, вдруг все вспомнил и заплакал: «Я хочу к маме и папе!»

Несмотря на всю необычность и тревожность ситуации, Рейчел Люссье так закатила глаза («И вот с этим мне приходится жить, понимаете?»), что Джимми почти расхохотался. Сколько раз он видел такое же выражение на лице пятилетней Эллен Голдинг!

— Послушай, Рейчел, — сказал он. — Я знаю, тебе страшно, но здесь вы в безопасности, а мне нужно сделать свою работу. Мы же не хотим, чтобы с вашими родителями что-то случилось, если они все еще там?

— ДОСТАНЬ МАМУ С ПАПОЙ, ПАТРУЛЬНЫЙ ДЖИММИ! — закричал Блейки. — МЫ НЕ ХОТИМ, ЧТОБЫ С НИМИ ЧТО-ТО СЛУЧИИИИИЛООООСЬ!

Джимми заметил искры надежды в глазах девочки, но не настолько яркие, как он рассчитывал. Как и агент Малдер из старого сериала «Секретные материалы», она хотела верить, но, как его напарница агент Скалли, все же не верила. Что же такого увидели эти ребятишки?

— Будьте осторожны, патрульный Джимми, — сказала Рейчел и, точно учительница, погрозила ему пальцем. Это этого жеста ему стало не по себе. — Не трогайте ее.

Он подошел к «универсалу» и перевел свой «Глок» в автоматический режим. С предохранителя снимать не стал, еще не время. Стоя у приоткрытой двери, он еще раз потребовал, чтобы находившиеся внутри люди вышли из машины с поднятыми руками. Никто не вышел. Джимми потянулся к дверной ручке, затем вспомнил о предостережении Рейчел, передумал и вместо этого попробовал толкнуть дверь стволом пистолета. Только дверь не открылась. Вместо этого пистолет намертво к ней прилип, словно автомобиль целиком состоял из клея.

Его качнуло вперед, словно на той стороне кто-то схватил пистолет и сильно дернул на себя. В этот момент он все еще мог спастись, но подобная мысль даже не пришла ему в голову. В Академии с первых лет вдальбливают: никогда, ни при каких обстоятельствах не расставайтесь со своим оружием. Никогда.

И Джимми не расставался, так что машина, втянувшая в себя пистолет, начала жевать державшую его кисть, и запястье, и предплечье. Выглянуло солнце, отбросив на подъездную дорогу его уменьшающуюся тень. Где-то кричали дети.

«Универсал» ПРИСОЕДИНЯЕТ себя к патрульному, подумал Джимми. Теперь я знаю, что имела в виду девочка, когда...

Затем широко расцвела боль и стерла все мысли. Он успел крикнуть один раз. Лишь один.

Ребята («Ричфорс» десятого года)

Со своего места, в семидесяти ярдах от «универсала», Пит видел все. Он видел, как патрульный дотронулся стволом пистолета до двери, чтобы ее открыть; видел, как пистолет провалился в нее, словно машина была всего лишь обманом зрения; видел, как патрульного потянуло вперед, а его серая шляпа слетела с головы. Затем патрульный исчез в дверном проеме, и осталась только шляпа, лежавшая рядом с чьим-то мобильником. На секунду все замерло, а потом «универсал» сжался, как пальцы руки сжимаются в кулак. Затем раздался звук, словно кто-то ударил теннисной ракеткой по мячу, и кулак снова превратился в машину.

Маленький мальчик захныкал, девочка зачем-то стала громко повторять слово «тридцать», как если бы это было заклинанием, по какой-то причине не включенным Джоан Роулинг в книги о «Гарри Поттере».

Задняя дверь патрульной машины открылась, дети выбрались наружу. Оба ребенка заливались слезами, и Пит не видел в этом ничего удивительного. Если бы он до сих пор не находился в шоке, то сам бы, наверное, заплакал. Возникла безумная мысль: глоток-другой водки ему бы сейчас помог. Ему стало бы не так страшно, а чем быстрее он перестанет трусить, тем быстрее поймет, какого хрена ему делать.

Дети тем временем снова пошли в сторону шоссе. Питу показалось, что они близки к панике и вот — вот перейдут на бег, а этого нельзя допустить. Как только они выбегут на дорогу, их тут же размажет по асфальту.

— Эй! — закричал он. — Эй, ребята!

Когда они обернулись — огромные испуганные глаза, бледные лица — он махнул им рукой и пошел навстречу. Солнце вновь вышло из-за туч, в этот раз, похоже, надолго.

Маленький мальчик рванулся было вперед, но девочка одернула его. Пит подумал, что она боится его, потом понял, что на самом деле она боится «универсала».

Он рукой нарисовал в воздухе круг.

— Обходите ее! Обходите и идите ко мне!

Они проскользнули сквозь балки ограждения с левой стороны подъездной дороги, стараясь держаться как можно дальше от грязной машины, и пошли через парковку. Когда они добрались до Пита, девочка отпустила брата, села и спрятала лицо в

ладонях. Шнурки ей, вероятнее всего, завязывала мама, и глядя на них, понимая, что мама больше никогда их не завяжет, Пит чувствовал себя ужасно.

Маленький мальчик посмотрел на него и мрачно произнес:

— Оно съело маму и папу. Оно съело лошадицу и патрульного Джимми. Я думаю, оно хочет съесть всех. Оно хочет съесть весь мир.

Если бы Питу Симмонсу было двадцать, оно замучил бы их никому не нужными расспросами, но ему исполнилось лишь десять, и он был способен принять то, чему стал свидетелем. Поэтому его вопрос звучал просто и деловито: «Эй, девочка, сюда едут другие полицейские? Поэтому ты кричала „тридцать“ в машине?»

Она опустила руки и посмотрела на него влажными, покрасневшими глазами.

— Да, но Блэйки прав. Оно съест и их тоже. Я предупреждала патрульного Джимми, но он мне не поверил.

Пит верил, потому что видел. Впрочем, девочка права: полицейские *не* поверят. Конечно, рано или поздно поймут, что к чему, но к тому моменту чудовищная машина успеет сожрать достаточно.

— Думаю, оно из космоса, — сказал он. — Как в «Докторе Кто».

— Мама с папой не разрешают нам его смотреть, — ответил ему мальчик. — Говорят, там слишком страшно. Но это страшнее.

— Оно живое, — сказал Пит больше себе, чем детям.

— Ага, — согласилась девочка и тяжело, жалобно всхлипнула.

Солнце на секунду скрылось за облаком, а когда вышло вновь, у Пита возникла идея. Он хотел показать Норми и остальным «Гонщикам» кое-что, достойное вступления в их клуб. Затем Джордж по-братски просветил его: они видели этот детский фокус тыщу раз.

Пусть так. Но, может, эта штука не видела? Может, не видела ни разу. Может там, откуда она пришла, нет увеличительных стекол. Или солнца нет. Он вспомнил, что в одном из эпизодов «Доктора Кто» показывали планету, на которой всегда темно.

Вдалеке завывала сирена. Полицейский. Полицейский, который не поверит детским рассказам, потому что дети, как известно каждому взрослому, любят придумывать всякое дерьмо.

— Оставайтесь здесь. Я хочу попробовать кое-что.

— Нет! — Девочка схватила его за запястье. — Оно и тебя съест!

— Не думаю, что оно может ездить, — ответил Пит,

отодвигая ее руку. Там, где она держала его, осталась пара царапин, но он не сердился и не винил ее. Возможно, он поступил бы так же, если бы на его месте оказались мама или папа. — Скорее всего, никуда оно с места не сдвинется.

— Зато может дотянуться, — сказала девочка. — Может дотянуться своими шинами. Они растягиваются.

— Буду следить, — пообещал Пит. — Но я должен попробовать, потому что ты права. Приедут копы, и оно сожрет их. Не уходите никуда.

Он пошел к «универсалу». Когда оказался рядом (но не слишком близко), расстегнул «молнию» на сумке. Я должен попробовать, сказал он, но правда была чуть сложнее: он хотел попробовать. Совершить некий научный эксперимент. Прозвучит странно, если он кому-то расскажет, но ведь рассказывать не обязательно. Он просто должен это сделать. Очень, очень осторожно.

Он вспотел. Когда выглянуло солнце, воздух стал теплым, и все же причина была не только в этом. Пит посмотрел вверх, прищурившись от яркого света. Даже не думай прятаться в тучи. Даже не думай. Ты нужно мне.

Он вытащил из сумки увеличительное стекло «Ричфорс» и наклонился, чтобы поставить сумку на землю. Его колени хрустнули, и дверь «универсала» приоткрылась на несколько дюймов.

Оно знает, что я здесь. Не знаю, видит ли оно меня, но только что эта штука меня услышала. А может, еще и унюхала.

Он сделал маленький шаг. Теперь корпус машины находился на расстоянии вытянутой руки (если бы вдруг он сошел с ума и решил ее потрогать).

— Берегись! — крикнула девочка. Они с братом стояли, обнявшись. — Аккуратней!

Аккуратно, как дрессировщик, входящий в клетку со львом, Пит разложил лупу. На боковой части «универсала» появилось пятнышко света, но слишком большое. Недостаточно горячее. Он поднес увеличительное стекло ближе.

— Шина! — завопил мальчик. — Шина, БЕРЕГИИИИИИТЬСЯ!

Пит посмотрел вниз и увидел, как одна из покрышек начала тянуть к нему свое извивающееся щупальце. Оно ползло по земле, но он не мог отойти: это означало бы провал эксперимента. Поэтому он просто поднял ногу и застыл в позе журавля. Щупальце тут же изменило направление и поползло к другому кеду.

Слишком мало времени.

Пит еще приблизил лупу. Пятно света превратилось в

сверкающую белую точку. На какой-то момент все оставалось по-прежнему, а секунду спустя вверх заструились тонкие полосы дыма. Грязная поверхность начала чернеть.

Из «универсала» раздался нечеловеческий рев. Пит пришлось вступить в схватку со всеми своими инстинктами сразу, чтобы не дать деру. Его губы разошлись, обнажив сжатые зубы. Он продолжал держать увеличительное стекло, считая секунды в уме. Пит досчитал до семи, когда рев превратился в яростный вопль, угрожающий расколоть его голову пополам. Сзади Рейчел и Блэйк разомкнули объятия и заткнули уши.

Эл Эндрюс остановил свой автомобиль у въезда на стоянку, вышел наружу и вздрогнул от чудовищного звука. Потом он скажет, что этот звук был похож на уличную сирену, предупреждающую о скором надвигающемся авианалете, только пропущенную через гитарную примочку хеви-металлической группы. Эл увидел паренька, держащего что-то таким образом, что оно почти касалось поверхности грязного «Форда» или «Шевроле». Мальчик дрожал от боли, решимости или всего вместе.

Дымящаяся черная клякса расползлась по борту «универсала». Выющиеся струйки дыма становились все толще; из белых они превратились сначала в серые, а затем в черные. То, что случилось потом, случилось быстро. Пит заметил голубые лепестки пламени, появившиеся на черном пятне. Их становилось все больше, они словно танцевали на поверхности будто-бы машины. Так выглядели куски угля в жаровне после того, как отец сначала поливал их горючей жидкостью, а затем поджигал.

Слизистое щупальце, практически добравшееся до одиноко стоящей ноги Пита, метнулось назад. «Универсал» снова сморщился, только теперь вокруг него короной сверкало синее пламя. Он сжимался и сжимался, пока не превратился в светящийся шар — а потом Пит, Рейчел, Блэйк и патрульный Эндрюс увидели, как то, что на самом деле не было «универсалом», выстрелило в голубое весеннее небо. Какое-то время они еще могли различить там тлеющую точку, а потом исчезла и она. Пит подумал о ледяной тьме, что лежит за пределами земной атмосферы — обо всех этих бесконечных парсеках, где может жить и скрываться все, что угодно.

Я не убил это, просто прогнал. Ему пришлось уйти, и оно ушло.

Патрульный Эндрюс озадаченно глядел вверх. Та часть мозга, что все еще работала, попыталась прикинуть, какой рапорт о случившемся здесь он напишет.

До них донесся нарастающий гул сирен других полицейских

автомобилей, несущихся сюда.

Пит пошел к ребятам, сжимая в одной руке сумку, в другой — увеличительное стекло. С одной стороны, ему хотелось, чтобы Джордж и Норми стояли сейчас здесь, с другой, их не было, и что с того? И без них он провел отличный день. Запрут за это в комнате? Да плевать. По сравнению с тем, что случилось, прыжки в идиотскую яму с песком выглядят беззубой детской забавой.

И знаете что? Я, блядь, зажег.

Он бы засмеялся, не смотри на него эти ребята. Их родителей только что сожрало что-то вроде пришельца из космоса — сожрало живьем, и показывать им свою радость было бы совершенно неправильно.

Мальчонка протянул к нему свои пухлые ручки, и Пит подхватил его. Он не засмеялся, когда ребенок чмокнул его в щеку — только улыбнулся.

— Спасибо, — сказал Блэйки, — ты хороший парень.

Пит поставил мальчика на землю. Девочка тоже поцеловала его, и это ему понравилось, хотя было бы приятней, будь она чуть взрослей.

Патрульный бежал к ним, и Пит вспомнил кое о чем. Он наклонился к девочке и дыхнул ей в лицо.

— Чувствуешь что-нибудь?

Рейчел Люссье как-то по-взрослому посмотрела на него и сказала: «Все будет нормально». После чего улыбнулась (коротко, но лучше бы не улыбалась вовсе) и добавила: «Просто не дыши на него и пожуй мятных пастилок перед тем, как вернешься домой».

— Я думал о жвачке «Тиберри», — сказал Пит.

— Да, — ответила Рейчел. — Сойдет.

К О Н Е Ц

notes

Примечания

NyQuil — антипростудная микстура на спиртовой основе. Обладает ярко выраженным седативным эффектом, вследствие чего популярна у молодежи в качестве легально доступной выпивки.

Эдвард Литтл — реально существующая школа в Обурне, Ред
Эддис — спортивная команда этой школы.

Библия короля Якова — перевод Библии на английский язык, выпущенный в 1611 году в Англии. Переводом занимались 47 видных членов англиканской церкви. Новый Завет был переведен с греческого, Ветхий — с иврита, второканонические книги — с греческого и латыни. Был призван устранить ошибки предыдущих переводов и представить наиболее полную английскую версию Священной Книги.

Левиты — в иудейской и христианской Библии — все потомки Левия, одного из двенадцати сыновей праотца еврейского народа Иакова, родоначальника одного из двенадцати колен Израилевых.

Фунтов, т. е. приблизительно семьдесят килограмм.

Сто двадцать килограмм.

Spanish Jennet — порода низкорослых, до полутора метров в холке, лошадей.

Мадреслинг — шоу, во время которого противники выясняют отношения в луже грязи.

Тулса — город в штате Оклахома, США.

Аварийная полоса — крайняя правая полоса движения, предназначенная для аварийной остановки или передвижения автомобилей экстренных служб. В некоторых штатах по этой полосе разрешено ехать автобусам и мотоциклам.

MedicineNet.com — научно-популярный портал, посвященный болезням, их лечению и предупреждению. Слоган сайта: «Мы несем вам медицинские знания».

Мак Графф, пес-полицейский — мультипликационный персонаж, разработанный по заказу Национального Совета США по предотвращению преступлений. Появлялся в образовательных книжках, мультфильмах и рекламных роликах, разъясняя детям, как нужно вести себя в той или иной ситуации. Изображается в виде одетой в плащ с поднятым воротником гончей.